

УДК 271.21:726.71(47.24)

DOI: 10.34680/978-5-89896-734-5/2020.NHB.12

А. А. Гиппиус

О ВОЗМОЖНОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ИОАННО-ПРЕДТЕЧЕНСКОГО РОСТКИНА МОНАСТЫРЯ

Аннотация. Введение в научный оборот надписи-граффито XII в., впервые упоминающей название Иоанно-Предтеченского монастыря в Неревском конце – «Росткин монастырь», заставило по-новому трактовать вопрос о происхождении этой обители. Согласно выдвинутой в статье гипотезе, монастырь был основан вдовой убитого в 1167 г. посадника Захарии Росткой, в крещении Еленой, принявшей в монашестве имя Елисава. Основание монастыря рассматривается в контексте политической борьбы боярских группировок Новгорода во второй половине XII в.

Ключевые слова: средневековый Новгород, Неревский конец, Иоанно-Предтеченский Росткин монастырь, новгородское боярство, посадники, надписи-граффити, Новгородская первая летопись.

Abstract. The discovery the of 12th century graffito inscription, mentioning for the first time the traditional name of St John the Baptist convent in the Nerevsky end of Novgorod – “Rostkin monastyr”, raised anew the question of the origin of this monastery. According to the hypothesis put forward in the article, the monastery was founded by Rostka (baptized as Helena), the widow of the *posadnik* Zachariah killed in 1167, who took the name Elisava as a nun. The founding of the monastery is considered in the context of the political struggle of the boyar groups of Novgorod in the second half of the 12th century.

Keywords: Medieval Novgorod, Nerevsky End, St John the Baptist Rostkin convent, Novgorodian *posadniks*, graffiti-inscription, First Novgorod Chronicle.

Женский монастырь Иоанна Предтечи, известный источникам как Росткин монастырь, находился на одноименной Росткиной улице на Софийской стороне Новгорода, неподалеку от сохранившейся церкви Феодора Стратилата на Щиркове улице. Обитель просуществовала до 1764 г., в котором была упразднена (см.: Секретарь, 2011. С. 492–493). Первое летописное упоминание Иоанновского монастыря относится к 1179 г.: в старшем изводе Новгородской первой летописи под 6687 г.

сообщается о смерти игуменьи Елисавы и о поставлении новой настоятельницы Фегнии¹. Традиционное название обители впервые появляется в сообщении младшего извода НПЛ под 6914 (1406) г. о пожаре деревянной монастырской церкви². Спустя десять лет летопись сообщает о строительстве в монастыре каменной церкви Рождества Иоанна Предтечи³. Росткина улица впервые упоминается под 6898 (1390) г. в связи со строительством на ней каменной церкви свв. Константина и Елены (ПСРЛ 42. С. 92).

Совсем недавно круг ранних свидетельств истории обители пополнился еще одним документом – надписью в лестничной башне Георгиевского собора Юрьева монастыря. Граффито, впервые опубликованное Т. В. Рождественской (1991. С. 92) и в настоящее время, благодаря новым фотографиям, прочитанное более полно, открывается фразой: «Федоръ ѿ, дьякъ Стго Ивана Росто(ки)на манаст(ы)р[а]» ‘Федор писал, дьяк Росткина монастыря святого Иоанна’ (Гиппиус и Михеев, 2021). Из надписи, палеографически датируемой XII в., мы узнаем, что, по крайней мере, к концу этого столетия Иоанновский монастырь был уже известен в Новгороде как Росткин. Обнаружение этого свидетельства заставило еще раз задуматься над вопросом о происхождении названия и самой обители.

Хотя имя *Ростька*, от которого происходят названия улицы и монастыря, может быть формально как женским, так и мужским, не приходится сомневаться в том, что в данном случае оно принадлежало женщине⁴. Следует полагать, что монастырь был назван по мирскому имени основательницы и первой игуменьи. Близкую аналогию такому именованию представляет название киевского Янчина монастыря св. Андрея, происхождение которого в деталях описано в Повести временных лет. Монастырь был основан Всеволодом Ярославичем (в крещении Андреем) при построенной им церкви, а его первой пострижницей и настоятельницей стала дочь Всеволода Янка⁵. Что же касается Росткиной улицы, то ее название может происходить уже от названия

¹ «Томъ же лѣтъ прѣставися раба божия Елисава, игуменія святого Иоанна; и поставиша на мѣстѣ ея Фегнию» (НПЛ. С. 36).

² «Сгорѣ церкви святыи Иоанъ в Ростькинѣ манастырѣ, и иконы и книги сгорѣша» (НПЛ. С. 388).

³ «Поставлены быша 3 церкви: Рожество святого Иоана Предтеця в Ростькинѣ монастыри, и святыи Петръ и Павелъ в Неревскомъ концѣ, и святого Никиту въ Плотничкомъ концѣ» (НПЛ. С. 399).

⁴ Заметим, впрочем, что и с формальной точки зрения квалификация имени *Ростька* как женского выглядит предпочтительной: для мужских имен с суффиксом *-ьк-* женский морфологический род в раннедревнерусский период нехарактерен (см.: Зализняк, 2004. С. 209–210).

⁵ «В лѣто 6594. Всеволодъ заложи церковь святого Андрѣя при Иванѣ преподобномъ митрополитѣ, створи у церкви тоя манастырь, в нем же пострижесе дщи его дѣвою, именемъ Янка. Сия же Янка, совокупиши черноризици многи, пребываше с ними по манастырьскому чину» (ПСРЛ 2. С. 197).

монастыря: подобным образом Павлова улица на Торговой стороне Новгорода была названа по примыкавшему к ней Павлову монастырю, а Кузмодемьяня улица – по церкви Свв. Косьмы и Дамиана⁶. Впрочем, необходимость в допущении такой вторичной номинации возникает лишь, если считать, что улицы Новгорода могли называться только по именам проживавших на них мужчин.

Нужно заметить, что из шестнадцати монастырей, существовавших в Новгороде и его округе в домонгольскую эпоху, по именам основателей известны только три: Антониев, Аркаж и Росткин. Первые два монастыря были основаны выдающимися церковными деятелями, впоследствии канонизированными как святые. На этом фоне фигура Ростки, о которой неизвестно ровным счетом ничего, выглядит странным исключением. Степень этой исключительности возрастает, если учесть, что в двух случаях основания монастырей женщинами, о которых сообщает Новгородская летопись за XII и XIII вв., имена этих женщин скрываются за именами их родственников-мужчин: основательница монастыря Св. Евфимии в Плотницком конце упомянута как «Полюжая Городшница Жирошкина дъци» («вдова Полюда Городшничича, дочь Жирошки») (НПЛ. С. 43; см. об этом известии: Дубровин, 2008), а основательница монастыря Св. Павла – как «Семенова Борисовича» («вдова Семена Борисовича») (НПЛ. С. 74). Кем же была Ростка – единственная из новгородских женщин эпохи независимости, чье мирское имя столетиями сохранялось в названии основанной ею обители и улицы, на которой она проживала?

Согласно В. Л. Васильеву (2005. С. 346–347; 2012. С. 271–272), имя *Ростька* может либо быть усеченной формой композита типа *Ростислава*, либо представлять собой самостоятельное имя, образованное от нарицательного существительного (исследователь указывает на новгородские диалектные лексемы *рост* и *роста* ‘росток’ и смоленское *ростка* ‘веточка, отросток’). Имя *Ростислава* известно в качестве княжеского, парного к распространенному мужскому княжескому имени (Литвина и Успенский, 2006. С. 242). Поскольку другие имена с корнем *рост-* были распространены в разных социальных стратах (отразившись и в берестяных грамотах XII в.: *Ростихъ* № 160, *Ростила* Торж. 8), вероятность происхождения Ростки из рода Рюриковичей следует признать крайне незначительной. К тому же монастыри, основанные в Новгороде князьями (Юрьев, Пантелеймонов, Нередицкий), все находились за пределами городской территории. Не был исключением и Михалицкий монастырь Рождества Богородицы, основанный в 1199 г. женой князя Ярослава Владимировича в урочище Плотники за Федоровским ручьем, по которому проходила в конце XII в. северная граница Торговой стороны Новгорода (Дубровин, 2016. С. 14). Иоанновский мона-

⁶ См. об этой модели в названиях новгородских улиц: Васильев, 2005. С. 271–272.

стырь находился в черте города – в южной части Неревского конца, и следует думать, что, как и другие городские монастыри, он был не княжеской, а боярской ктитореей.

Итак, Ростка должна была принадлежать к одной из боярских патронимий Неревского конца. Попытаемся определить, к какой именно, воспользовавшись для этого выводами В. Л. Янина о принадлежности новгородских посадников XII–XIII вв. к различным кончанским группировкам. В эпоху, к которой относятся первое летописное упоминание монастыря и юрьевское граффито, представителями неревской боярской группировки на посадничестве, согласно В. Л. Янину (1990. С. 11–12), были Захария (1161–1167), Иванко Захарьинич (1171, 1172–1175), Завид Неревинич (1175–1180, ? – 1186) и Юрий Иванович (1215–1216). Завид Неревинич – сын убитого в 1167 г. Неревина – представляет в этом ряду отдельный боярский клан. Неревское происхождение прямо свидетельствуется его отчеством, тогда как имя (по всей вероятности – родовое) связывает его с посадниками конца XI – начала XII вв. Завидом, Дмитрием Завидичем и Завидом Дмитриевичем. Это боярское гнездо предположительно локализуется в северной части Неревского конца, в районе Даньславли улицы, на которой находилась церковь Св. Димитрия (Ноздрьцина). Вероятным ктитором этого храма мы считаем Дмитра Завидича, отождествляя его с Ноздрьцей, чей двор подвергся разграблению в 1118 г. (Гиппиус, 2007. С. 43–44).

Захарию и Иванка Захарьинича В. Л. Янин считает дедом и отцом Юрия Ивановича. Неревское происхождение этого рода он обосновывает, ссылаясь, с одной стороны, на летописное известие 1177 г. о пожаре Неревского конца «от Иваньковее» (то есть «от двора вдовы Иванка»), а с другой – на предложенную А. А. Зализняком идентификацию Иванка и Юрия, упоминаемых в ряде берестяных грамот конца XII – начала XIII вв., найденных на Неревском раскопе, с Иванком Захарьиничем и Юрием Ивановичем. Принимая последнюю гипотезу, местом проживания этого посадничего рода нужно считать исследованный на Неревском раскопе район у перекрестка Великой и Козмодемьянской улиц, в срединной части конца. Этому препятствует, однако, необычно большой, по сравнению с другими подобными случаями, хронологический интервал, отделяющий избрание посадником Юрия Ивановича (1215) от смерти его предполагаемого отца Иванка Захарьинича (1175). Указав на это, а также на то, что грамоты, связанные с Иванком, стратиграфически тяготеют к последней четверти XII в., мы предложили считать, что отцом Юрия Ивановича был не Иванко Захарьинич, но другой Иванко, играющий видную роль в летописном рассказе о событиях 1195–1196 гг. и также связанный, по-видимому, с Неревским концом (Гиппиус, 2003. С. 51–54). Если так, то Захария и Иванко Захарьинич должны были проживать в другой части конца. Возникает подозрение: не находились ли их дворы на проходившей в южной части Неревского конца Яневой улице (напомним, что Янь – один из древнерусских вари-

антов имени Иоанн) и не с этим ли родом связан Иоанновский монастырь, располагавшийся между Росткиной улицей и Яневой?

Разумеется, *Иван* – слишком частотное имя, чтобы служить основанием для проведения подобных связей. Но высказанное предположение можно подкрепить более весомым, на наш взгляд, аргументом. Обратим внимание на имя умершей в 1179 г. игуменьи Иоанновского монастыря – *Елисава*. Для монахини обители, посвященной Рождеству Иоанна Предтечи, оно кажется неслучайным, вызывая в памяти имена родителей евангельского пророка – Захарии и Елизаветы, многократно поминаемых в службе праздника и изображаемых на его иконе. Единственным носителем имени *Захария*, известным новгородской летописи в домонгольскую эпоху, является неревский посадник 1161–1167 гг., отец Иванка Захарынича. Называя сына Иваном, Захария явно опирался на евангельский образец. Судьбе было угодно развить эту параллель: подобно своему святому покровителю, убитому «между жертвенником и святилищем» (Мф. 23: 25) во время служения в Иерусалимском храме, Захария был убит в 1167 г., исполняя должность посадника, обвиненный в сговоре с изгнанным князем Святославом Ростиславичем. Вместе с Захарией были убиты биричи Неревин и Несда, отцы будущих посадников Завида Неревинича и Мирошки Несдинича⁷. Казнь действующего посадника и еще двух представителей высшей городской администрации, совершённая, очевидно, по приговору веча, не имела прецедентов в истории Новгорода и стала одной из кульминаций новгородской политической истории XII в.

Все сказанное подводит нас к предположению, составляющему основной тезис данной статьи. Мы полагаем, что Иоанновский монастырь был основан вдовой убитого в 1167 г. посадника Захарии – Росткой, принявшей в монашестве имя Елисава и ставшей первой игуменьей

⁷ «Новгородьци <...> убиша Захарию посадника и Неревина и Несду бириця, яко творяхуть е переветь дръжаще къ Святославу» (НПЛ. С. 32). Слово *бирича* обычно трактуется здесь как относящееся только к Несде. Между тем, с бóльшим основанием в нем можно видеть форму двойственного числа, относящуюся к обоим убитым вместе с Захарией боярам (иначе странным выглядит неупоминание должности Неревина). На то, что термин *биричь* обозначает здесь не рядового глашатая или судебного пристава, а высокопоставленного администратора, уже указывалось в литературе (Флоря, 1999. С. 83–96). Б. Н. Флоре принадлежит также отождествление бирича Несды с отцом Мирошки Несдинича, который в «Уставе великого князя Всеволода» упоминается среди участников княжеского совета как «бирич Мирошка». Ввиду однозначно установленной В. Л. Янинным принадлежности Мирошки Несдинича к боярству Людина конца (см. НГБ VII. С. 97–99; НГБ VIII. С. 20–22) и столь же однозначной неревской принадлежности Неревина упоминание в статье 1167 г. двух биричей представляет большой интерес для изучения административного устройства Новгорода. Поскольку рядовой новгородский бирич – это судебный исполнитель, в Неревине и Несде соблазнительно видеть глав «службы судебных приставов» Неревского и Людина концов, которые, в силу особой важности этой функции для новгородского общества рассматриваемой эпохи, могли выполнять и роль кончанских старост (см. также: Гипшиус 2009. С. 41–42).

обители. Промежуток в двенадцать лет, отделяющей кончину Елисавы от убийства Захарьи, хорошо с этим согласуется. За эти двенадцать посадником дважды становился Иванко Захарьинич, занимавший этот пост сначала несколько месяцев в 1171 г., а затем с 1172 до своей кончины в 1175 г. Монастырь мог быть основан Росткой как при жизни сына, так и после его смерти⁸.

Важную параллель к реконструируемой ситуации представляет уже упоминавшееся основание в 1237 г. вдовой Семена Борисовича монастыря при церкви св. Павла на Торговой стороне. Семен Борисович, кратковременно посадничавший в 1219 г., был убит в ходе городских волнений в 1230 г. (НПЛ. С. 59, 70). Монастырь, таким образом, вдова основала не сразу, а спустя семь лет после гибели мужа. Каменная церковь св. Павла с приделами св. Симеона Богоприимца и свв. Константина и Елены была заложена Семеном Борисовичем в 1224 г.⁹ Явно патрональный характер посвящения первого придела следует, по видимому, распространять и на второй, предполагая тезоименность жены ктитора св. Елене¹⁰. Согласно нашей гипотезе, вдова посадника Захарии постриглась в основанном ею монастыре под именем *Елизавета* (*Елисава*). Учитывая уже распространенный в ту эпоху обычай давать монашеское имя по созвучию с мирским – как правило, с сохранением начальной буквы мирского имени, можно предположить, что он действовал и в этом случае¹¹. Крестильным именем Ростки, ставшей в мона-

⁸ В. Л. Янин, опираясь на сочетание имен Захарии и Анны в берестяной грамоте № 553, найденной на усадьбе Олисея Гречина и представляющей собой заказ на икону, предположил, что женой посадника Захарии могла быть Анна, бывшая игуменьей Варварина монастыря и умершая в 1167 г., в один год с убийством Захарии (Колчин, Хорошев, Янин, 1981. С. 145–146). Этому предположению противоречит принадлежность посадника Захарии к неревской боярской группировке (которая, заметим, в 1981 г. еще не была установлена).

⁹ «Въ то же лѣто създа Борисовичъ Смень церковь камяну святого Павла, и святого Смена Богоприимьца, и святую Костянтина и Елены, и святиша ноября въ 6, на Павловъ день» (НПЛ. С. 63).

¹⁰ Примером использования этой памяти как патрональной для женщины может служить посвящение придела свв. Константина и Елены в Гавриилоархангельской церкви, заложенной Василием III в Кирилло-Белозерском монастыре после рождения наследника – будущего царя Ивана Грозного. Св. Елена была небесной покровительницей великой княгини Елены Глинской (см.: Литвина и Успенский, 2006. С. 488, прим. 13).

¹¹ По мнению Б. А. и Ф. Б. Успенских, в домонгольскую эпоху данный принцип выбора монашеского имени применялся окказионально, в то время как господствующей была практика наречения постригаемому имени святого, на память которого совершался постриг (Успенский Б. А., Успенский Ф. Б., 2017. С. 106–107). Этому, на наш взгляд, несколько противоречит приводимая исследователями компактная серия примеров, подтверждающих применение данного принципа в Новгороде во второй половине XII – первой половине XIII вв.: архиепископы Илья и Гавриил принимают в монашестве имена *Иоани* и *Григорий*, посадник Михалко Степанич – имя *Митрофан*, а постригшиеся в Хутыньском монастыре новгородцы Прокпа Мальшевич и Вячеслав Прокшинич – имена *Порфирий* и *Варлаам*. Не подчиняющийся этой закономерности

шествие Елисавой, могло быть *Елена*. Предполагать это позволяет факт существования на Росткиной улице церкви свв. Константина и Елены. Еще один храм с таким же посвящением находился на соседней Яневой улице. Одна из этих церквей была построена в 1151 г. (НПЛ. С. 29), т. е. в скором времени после того, как мог состояться брак Захарии (маловероятно, чтобы он был заключен до этого года, так как в 1171 г. Иванко Захарынич уже был избран посадником). Будущий посадник мог возвести церковь в честь небесной покровительницы своей супруги.

Основным же патрональным храмом этой семьи была, надо полагать, церковь, посвященная Рождеству Иоанна Предтечи – празднику, соединяющему не только имена Захарии и Елизаветы, но и, в первую очередь, Иоанна и Захарии. О времени ее строительства информация отсутствует. Церковь могла быть построена Захарией по случаю рождения сына Ивана (ср. церковь Иоанна Предтечи на Опоках, заложенную Всеволодом Мстиславичем в 1127 г. «въ имя сына своего») (НПЛ. С. 21). Но ее ктиторм вполне мог быть и более ранний представитель того же рода, носивший имя *Иоанн*: повторение из поколения в поколение родовых имен и даже комбинаций имени и отчества неоднократно встречается в среде новгородского боярства (ср. родословие «пруссских» Михалковичей, среди которых были два Михалка Степанича – прадед и правнук, посадничавшие в последней четверти XII – начале XIII вв. и в середине XIII в.)¹². Наконец, нельзя исключать, что церковь была построена самой Росткой, одновременно с основанием монастыря. Это хорошо объясняло бы нахождение монастыря в самом конце Росткиной улицы, близко к западной границе территории Неревского конца в XII в.: удаленное от центра города, это место идеально подходило именно для устройства монастыря.

Примечательно, что строительство церкви и основание монастыря не были отмечены новгородской владычной летописью – при том, что последняя во второй половине XII в. переполнена сообщениями о церковном и монастырском строительстве. Это умолчание может быть неслучайным. Основав монастырь и приняв в нем постриг под именем *Елисава*, вдова посадника Захарии должна была стать живым воплоще-

выбор монашеского имени св. Варлаама Хутынского, чье мирское имя было *Олекса Михалевиц*, выглядит на таком фоне скорее как исключение из правила.

¹² НПЛ. С. 33–34; Gippius, 2014. С. 389. В связи с предполагаемой повторяемостью имен в роду Захарии стоит обратить внимание на известное сообщение Ипатьевской летописи под 6614 (1106) г. о направлении Святополком в поход против половцев «Яня, Иванка Захарыча и Козарина». После слова *Яня* в рукописи другими чернилами добавлено: *Вышатича и брата его Путятю* (ПСРЛ. Т. 2. С. 257). Новейший анализ этого известия и связанной с ним проблематики заставляет (вопреки неоднократно высказывавшимся сомнениям) считаться с возможностью того, что под Янем действительно имеется в виду киевский тысяцкий Янь Вышатич – внук новгородского посадника Остромира (см.: Гимон, 2013. С. 72–82). В таком случае и находившийся при Яне Иванко Захарыч мог быть связан с Новгородом.

нием памяти о brutальном перевороте 1167 г., унесшем жизнь ее мужа. Эта память разделила Новгород, объединив боярские группировки Неревского и Людина концов в оппозиции боярству Прусской улицы, которое представлял Якун, бывший, несомненно, одним из главных вдохновителей убийства Захарии, Неревина и Несды. Владычные анналы находились в это время в руках летописца архиепископа Ильи-Иоанна, священника церкви св. Иакова на Добрыниной улице Германа Вояты. Эта церковь была, как мы полагаем, патрональным храмом посадника Якуна Мирославича, отождествляемого нами с Якуном, посадничавшим в 1167–1170 гг. (см.: Гиппиус, 1997. С. 11; 2003. С. 68–69; 2007. С. 207–215). Политическая инвектива, которую несло в себе основание Росткина монастыря, была направлена против Прусской улицы, и умолчание об этом событии сочувствующего «прушанам» летописца выглядит естественным.

О том, что политическая ангажированность была не чужда летописцу архиепископа Ильи, говорит следующий факт. В атрибутируемых ему статьях 6672 (1164)–6694 (1186) гг. содержится восемь сообщений о смене посадника. Между тем, за это время посадничество переходило из рук в руки не восемь, а десять раз (см.: Гимон, 2014. С. 304–306). Анализ двух имевших место умолчаний (снова опирающийся на выводы В. Л. Янина) показывает, что летописцем были «забыты» оба случая, в которых утративший пост посадник принадлежал к боярству Прусской улицы. В первом случае это был сам Якун, отправленный в отставку в 1070 г. вместе с князем Романом Мстиславичем – почти сразу после знаменитой победы над суздальцами; во втором случае, между 1180 и 1185 гг., посадничества был лишен Михалко Степанич – по видимому, также в связи с переменой на княжеском столе. Если летописец предпочел не упоминать об этих болезненных для «прушан» отставках, то и основание Росткой Иоанно-Предтеченского монастыря, заключавшее в себе явственно прочитываемое политическое послание, он мог намеренно обойти молчанием. Однако о смерти игуменьи Елисавы он все же сделал запись, приоткрыв для нас завесу над происхождением обители.

«А может, все было и не так», – как любил говорить Валентин Лаврентьевич Янин, цитируя слова Алисы Владимировны Банк, которыми она будто бы закончила один из своих докладов.

Литература и источники

Васильев В. Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования) / НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2005.

Васильев В. Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012.

Гимон Т. В. Янь Вышатич и устные источники древнерусской Начальной летописи // Древнейшие государства Восточной Европы. 2011: Устная тради-

ция в письменном тексте. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. С. 65–117.

Гимон Т. В. Новгородское летописание XI – середины XIV в. как социокультурное явление: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2014. С. 304–306.

Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 3–72.

Гиппиус А. А. Комментарий к берестяной грамоте № 226 // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения: материалы юбилейной конференции. Великий Новгород, 21–23 сентября 2001 г. М.: Индрик, 2003. С. 45–56.

Гиппиус А. А. Петр и Якша. К идентификации персонажей новгородских берестяных грамот XII века // Новгородский исторический сборник. 9 (19). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 18–31.

Гиппиус А. А. К вопросу о Новгородском Лазаревском скриптории рубежа XI–XII вв. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2007. № 1 (27). С. 36–45.

Гиппиус А. А. Новгородская владычная летопись и ее авторы: история и структура текста в лингвистическом освещении // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004–2005. М.: Древлехранилище, 2006. С. 207–215.

Гиппиус А. А. Берестяное «хитросплетение» XII века (грамота № 88) // Великий Новгород и средневековая Русь: сборник статей к 80-летию академика В. Л. Янина. М.: Памятники исторической мысли, 2009. С. 37–43.

Гиппиус А. А., Михеев С. М. Из надписей-граффити в лестничной башне Георгиевского собора Юрьева монастыря // Архитектурная археология. Вып. 2. 2021 (в печати).

Дубровин Г. Е. «Полужская Городьщиница Жирошкина Дъци...» (К вопросу об основательнице новгородского Евфимьина монастыря в Плотниках // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 109–117.

Дубровин Г. Е. «Докончанский» период истории Плотницкого конца средневекового Новгорода // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2016. № 2 (64). С. 5–18.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII века. М.: Наука, 1981.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик, 2006.

НГБ VII – Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М.: Наука, 1978.

НГБ VIII – Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарий и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М.: Наука, 1986.

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950.

ПСРЛ 2 – Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. 2-е изд. / ред. А. А. Шахматова. СПб., 1908.

ПСРЛ 42 – Полное собрание русских летописей. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись / ред. Я. С. Лурье. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.

Рождественская Т. В. Древнерусская эпиграфика X–XV веков: учеб. пособие / Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 1991.

Секретарь Л. А. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. М., 2011. Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. М.: Северный паломник, 2017.

Флоря Б. Н. К изучению церковного устава Всеволода. Россия в средние века и раннее новое время: сборник статей к 60-летию Л. В. Милова. М.: РОССПЭН, 1999.

Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М.: Наука, 1990.

Gippius A. A. A Scandinavian trace in the history of Novgorodian boyardom // *Vers l’Orient et vers l’Occident: Regards croisés sur les dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne*. P. Bauduin et A. Musin (dir.) Presses universitaires de Caen, 2014.